

当代苏联文学原著选读

第二卷

СОВРЕМЕННАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

2

**СОВРЕМЕННАЯ СОВЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

**—ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ ЧТЕНИЯ—
ТОМ 2**

当代苏联文学原著选读

第 二 卷

北京外国语学院俄语系 编

外语教学与研究出版社

主编 李 莎
编者 白春仁
汪嘉斐
李英男

本书第二卷选收九位作家的小说创作。编写分工是：李莎——邦达列夫、舒克申；白春仁——伊凡诺夫、普列特尼奥夫、拉斯普京；汪嘉斐——阿勃拉莫夫、戈列柯娃、特里丰诺夫；李英男——瓦西里耶夫。全部书稿经李莎审定。

当代苏联文学原著选读
DANGDAI SULIAN WENXUE YUANZHU XUANDU
(第二卷)

北京外国语学院俄语系 编

外语教学与研究出版社出版
(北京西三环北路19号)

北京怀柔平义分印刷厂印刷
新华书店北京发行所发行

开本850×1168 1/32 25·5印张 490千字
1987年6月第一版 1987年6月北京第一次印刷
印数1—3,500册

ISBN 7-5600-0062-2/G·63
书号：7215·98 定价：4.20元

ОГЛАВЛЕНИЕ

(目 录)

Ф. А. Абрамов (阿勃拉莫夫)

Последняя охота 1

Ю. В. Бондарев (邦达列夫)

Горячий снег 37

Мгновения 65

Б. Л. Васильев (瓦西里耶夫)

А зори здесь тихие 122

И. Грекова (戈列柯娃)

Кафедра 210

А. С. Иванов (伊凡诺夫)

Вечный зов 324

А. Н. Плетнёв (普列特尼奥夫)

Шахта 408

В. Г. Распутин (拉斯普金)

Живи и помни 518

Ю. В. Трифонов (特里丰诺夫)

Обмен 600

В. М. Шукшин (舒克申)

Волки 691

Чудик	706
Жена мужа в Париж провожала	723
Шире шаг, маэстро!	738

Ключи к заданиям

Ф. А. Абрамов	760
Ю. В. Бондарев	765
Б. Л. Васильев	767
И. Грекова	775
А. С. Иванов	779
А. Н. Плегнёв	784
В. Г. Распутин	790
Ю. В. Трифонов	797
В. М. Шукшин	801

Ф. А. Абрамов

Федор Александрович Абрамов родился 29 февраля 1920 года в крестьянской семье. В 1938 г. закончил среднюю школу и поступил на филологический факультет Ленинградского университета.

С первых дней Великой Отечественной войны Ф. А. Абрамов ушёл добровольцем на фронт, где воевал в составе народного ополчения. Был дважды тяжело ранен.

После демобилизации из армии Абрамов окончил университет. Защитив в 1951 г. кандидатскую диссертацию, стал преподавателем и затем заведующим кафедрой советской литературы ЛГУ. Свою литературную деятельность начал в качестве критика и литературоведа.

В 1958 г. Абрамов опубликовал на страницах журнала «Нева» свой первый роман «Братья и сестры», в котором сразу проявил себя как зрелый, обладающий незаурядным талантом мастер. В этом и в других своих произведениях («Безотцовщина», «Две зимы и три лета», «Пути-перепутья», «Деревянные кони», «Дом» и др.) писатель создал глубокие, подлинно народные характеры.

Для творческой манеры Абрамова характерны серьезность интонации, достоверность изображаемых обстоятельств, психологических и бытовых деталей, колоритность языка персонажей, сдержанность и точность авторской речи.

Ф. А. Абрамов был секретарем правления Союза писателей СССР и членом правления Союза писателей РСФСР, на протяжении многих лет избирался секретарем правления Ленинградской писательской организации.

В 1975 году за трилогию «Пряслины» ему была присуждена Государственная премия СССР. Скончался Ф. А. Абрамов в 1983 году на 64-м году жизни.

Рассказ «Последняя охота» написан Абрамовым в 1962 году. Главного героя рассказа, прославленного на всю область охотника Матвея Лысцева, постигают суровые жизненные испытания: тяжелая болезнь ног, из-за которой он вынужден надолго отказаться от настоящего дела и прозябать, находясь на положении приживала у жены; неудачная охота на волка, в результате чего он, потеряв восемь пальцев на руках и левую ступню, становится форменным инвалидом; жестокая месть хищного зверя и пересуды односельчан, усугубившие его и без того тяжкие душевные

муки. Будучи не в силах вынести удары судьбы и не видя больше смысла в существовании, охотник безнадежно махнул на все рукой. Но сама жизнь дала ему новый толчок — он вновь столкнулся с подстреленным им трехногим волком — и этого оказалось достаточно, чтобы он превозмог отчаяние и воспрянул духом перед последним, невероятно тяжелым поединком со зверем, увенчавшимся в конце концов полной победой человека.

Изображая трудное единоборство охотника с волком, временный упадок духа и наступившее затем нравственное возрождение человека, писатель осуждает одновременно тех бездейственных людей, которые не сумели помочь ему, не поддержали его ничем в беде.

ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА

Рассказ

Ну, слава богу, он дома... Матвей Лысцев кое-как высвободил ноги из оледенелых, поскрипывающих на морозе ремней, поставил к стене лыжи и медленно, с передышкой, опираясь руками на перила, поднялся на крыльцо.

Ворота из сеней ему открыла Марья — под стать мужу, такая же крупная и широкая в кости.

— Пришел, горе мое. Зачем же вот было ходить?

Матвей молча прошел в избу. Идол — черный, с желтыми кустистыми надглазницами¹ пес, развалившийся посреди избы, поднял было голову и снова опустил.

Марья приняла от мужа ружье, обила голиком низкие валенки с суконными голяшками, натянутыми до пахов, помогла снять промерзший ватник. Она не спрашивала, как прошел день. Ей достаточно было взглянуть на его лицо — темное, угрюмое, с редкими, словно картечины, отвечивающими оспинами.

— Давно он пришел? — кивнул Матвей на пса.

Марья посмотрела на стенные ходики.

— Да уж боле часу — я баню закрывала².

Что ж, пес не виноват. Какая же собака будет мерзнуть весь день в лесу, ежели хозяин, как улита, ползет по лыжне!

Матвей тяжело опустился на прилавок возле печи, вытянул длинные и прямые ноги, мохнатые от инея. Ноги ныли и гудели, как провода на погоду³.

Что делать с этими ногами? Давно ли он еще целыми днями без усталости гонялся за зверем, а теперь чуть пройдет на лыжах — и хоть посреди леса ложись: бастуют окающие! А вечером, когда начнет разуваться, страшно взглянуть: распухли, жилы нарвало, как у беременной бабы. И вот уже два года он не выходит на свою охотничью тропу. Пустуют где-то по ручьям и лесам занесенные снегом избушки, срубленные его руками, ржавеют капканы и волчьи петли, а он в ожидании, когда окрепнут ноги, бродит с ружьишкой по мелкоколесью да по старым вырубкам. Бесплезно, по привычке бродит, можно сказать, тешит себя, как малый ребенок, потому что какой же зверь вокруг деревни?

Осенью прошлого года райзаготконтора премировала его мотоциклом.

«Давай-ко механизируйся, — сказал завконторой Сысоев. — А то срам — скоро в космос полетим, а в нашем деле все ни тпру ни ну⁴».

Матвей без радости принял нарядную, сверкающую черным лаком машину. За что же его награждать? За то, что за год семь куничек да две лиски добыл? Правда, было время — гремел Лысцев, на всю область гремел. По четыре-пять медведей в сезон убивал. А волки? «Матвей, — накажут, бывало, люди, — на Пюлу⁵ волк вышел». А Пюла, где она, эта Пюла? На краю света. На лошади скакать — и то пять дней надо. И Матвей на лыжи и напрямик — через суземы⁶, через болото. Передохнет, обсушится у костра и снова мнет снег, пробирается сквозь чащобу ельника, ныряет в котловины ручьев и речушек... Нет, никакая машина не заменит охотнику ноги. Да и легче, пожалуй, на луну слетать, чем придумать такой вездеход, чтобы по нашим суземам колесить...

— Исть⁷ будешь или в баню сперва? — спросила Марья.

— Погоди, надо еще разуться.

Ноги в тепле немного успокоились, — на полу натаяли лужи. Мокрые суконные голяшки, перехваченные ремешками под коленкой, искрились мелкими льдинками. Матвей положил руки — большие обветренные руки рабочего человека — на колени и начал легонько растирать их, словно за-дабривая.

Марья покачала головой:

— И зачем же вот каждый день бродить? Ведь уж раз ног нету, какой из тебя охотник!

— Опять за свое? — Матвей исподлобья взглянул на жену.

— Да как? Самим исть-пить надо, и Саньке который месяц не посылаем. Стипендия-то у девки невелика.

Матвей поморщился. Да, Саньке, старшей дочери, своей любимке (она учится в техникуме в Архангельске), он за три месяца не послал ни копейки. Но где у него деньги? Выпил ли он хоть раз за этот месяц?

— Матюша, — вдруг ласково заговорила Марья и дотронулась рукой до его круглой, коротко остриженной головы, — а может, мотоцикл-то продать? Вот бы и заткнули дыры. Спрашивал у меня опять кладовщик. Хорошие, говорит, деньги дам.

— Скажи ему, что премиями Матвей Лысцев не торгует.

— Матвей Лысцев, Матвей Лысцев! — неожиданно взорвалась Марья. — Форсу-то сколько! Ну, пусть Санюшка с голоду мрет. Отец премиями не торгует, «сторожем на скотный двор не хочу»...

— Да ты что, рехнулась? В сорок-то лет хвосты коровьи сторожить!

— А ты на что надеешься? — У Марьи угрожающе выпятился живот, она ходила на сносях. — С твоей-то грамотой не больно разойдешься⁸. В контору не сядешь...

Матвей судорожно, до хруста сжал пальцы.

— Венька где? — спросил он немного погодя усталым и примирительным голосом.

— Я ему про Фому, а он про Ерему!⁹

Марья, тяжело шлепая валеными опорками, заковыляла к занавеске. Поравнявшись с Идолом, она на ходу ткнула его ногой в бок. Пес зарычал, оскалил морду.

— Потихе¹⁰ ты — развоевалась¹¹.

За занавеской грохнул ухват, со звоном покатилась кастрюля.

Матвей вздрагивающей рукой нашарил на припечном бруске банку с махоркой, свернул цигарку¹².

Да, надо на что-то решаться. Хватит с него этой музыки. Каждый день одно и то же. Конечно, она права. Хуже, чем они живут сейчас, некуда. Но, боже ты мой, у него вся жизнь вразлом, а она хоть бы посочувствовала!

На крыльце гулко затопали ноги. Завизжали ворота — давно надо смазать медвежьим жиром. — и в избу ввалился Венька, весь в снегу, как березовый.

— Папа, мы волка видели!

— Волка? — Матвей вяло усмехнулся: Венька, истый сын охотника, любил заправлять арапа¹³. — Может, хоть собаку?

— Ну вот еще, что я, не знаю! Хвостину тянет... Такой дедко — как жеребенок, качается...

Идол насторожил уши, шумно потянул воздух. Матвей

в бессильной ярости скрипнул зубами. Вот времена настали! Зверь под боком ходит, а они ни с места.

— Мы это катаемся с ребятами с горы. — продолжал рассказывать, размахивая красными руками, Венька, — а он как выскочит из кустов да по дороге на реку... Ружья у меня не было, а то бы я...

— Будет вам! — оборвала сына Марья. — Вечно они со своим зверьем. Ешьте, да в баню пора.

Матвей встал — все-таки отпустила немного ноги, шагнул к столу и вдруг, прихрамывая, кинулся к ружью.

— Венька, живоправляй мотоцикл!

— Матвей, Матвей, не сходи с ума! — закричала Марья. — Куда же ты на вечер глядя? И не ел весь день...

Матвей круто повернул голову к жене — и этого было довольно: Марья поспешила на помощь мужу.

2

Матвею ни разу не доводилось ездить на мотоцикле зимой, но дело пошло на лад. Он вихрем пронесся по деревенской улице, затем вылетел на открытый луг, по которому наискось пролегал вывешенный зимник. Скосив слезающиеся, в заиндевелых ресницах глаза — ветер резал лицо, — он зорко всматривался в желтую, хорошо накатанную дорогу. Следов не было. Не было их и на реке. Неужели Венька подшутил?

За рекой зимник двоился. Одна росстань — берегом — вела в райцентр, другая — направо, вдоль ручья с низкорослым кустарником в начесах сена — в верхнюю часть района.

Матвей свернул направо. Зверю — не на заседание. За чем же он попрется в райцентр?

Росстань — несчастные женки, которые возят по ней сено! — приворачивала к каждому кусту¹⁴. Мотоцикл качало, подбрасывало, заносило в ухабах — и он взмок, пока выбрался на большак. Но и тут никаких следов. Дорога заледенела — хоть целая стая пройди по ней, не заметишь.

Он поглядел в одну сторону, поглядел в другую. Хмурые сосны, навьюченные снегом. Телеграфные столбы с провисшими мохнатыми проводами. И дорога, пустынная дорога, тускло поблескивающая санной колеей.

Нет, надо, видно, поворачивать назад. По крайней мере в бане успеет вымыться, а после бани всегда ногам лучше. Ну а вдруг, пока он тут рассусоливает, волк преспокойно чешет себе большаком? Куда же еще ему податься? Зверь, как и человек, зимой держится дороги.

Приглушенный мотор снова взревел. И снова терзающая ноги тряска. Снова полощет его ледяным ветром.

Он проехал пять, проехал семь километров. Волк как сквозь землю провалился.

Когда за поворотом показалась Матушкина ручьевина, густо заросшая березняком, Матвей сказал себе: хватит. Напротив матерой лиственницы (прошлой осенью, еще по чернотропу, он свалил тут глухаря) он остановился, заглушил мотор. У него стучали зубы, заочневшие руки, когда он снял суконные рукавицы и попытался содрать ледяную коросту с небритых щек, плохо слушались.

Вечерело. В морозной прозелени неба уже проклюнулись звезды.

Он потоптался, помахал руками, чтобы согреться, затем, на ходу доставая охотничий нож, болтавшийся на ремне сбоку, направился к спуску. Продавщица сельпо давно просила его

сделать пару метел. Все-таки деньги, — хоть на табак не придется кланчить у женки.

Он подошел к спуску и остолбенел. По ту сторону ручья в гору подымался волк.

Ружье, где ружье? Какой дьявол надоумил снять его! Ну и конечно, пока он бегал за ружьем к мотоциклу, зверь ушел. Матвей едва не заревел от горя. Шестьсот рублей упустил!

Спуск в ручьевину заledenел еще больше, чем дорога. Мотоцикл накатывался на него, как воз на лошадь. Матвей упирался больными ногами, падал. Потом с остервенением пихал машину в гору. Наконец он вылез из чертовой ручьевины.

Мохнатые сосны, ели. Звезды сыплются колючей крупой. Еще газу, еще! Мотоцикл с бешеным воем и треском вынес его на поляну — и тут он увидел волка. Матвей резко затормозил. В морозной тишине громом прогрехотал выстрел. Волк исчез за поворотом дороги. Через минуту он снова выстрелил и снова промазал. Что за чертовщина? Руки у него трясутся или мушка сливается в сумерках с дулом?

Матвей включил фару. Ослепить, сбить зверя мотоциклом! Давят же шоферы лисиц и зайцев колесами, а почему не попытать счастья ему?

Зимняя дорога запылила заревом. Косматый лес, как стадо мамонтов, с оглушительным ревом полетел ему навстречу...

Это был большой, на редкость большой зверина, — прав Венька! — пожалуй, ни один из убитых им волков не шел в сравнение с этим. В желтой слепящей полосе долго, наверно с минуту, качался обвислый зад с прямым, как полено, свер-

кающим изморозью хвостом, потом свет скользнул по вздыбленному загривку, по морде, окутанной паром...

Матвей сжался пружиной. Сейчас, сейчас он собьет серого дьявола...

Внезапно дорога выгнулась дугой. Лучи фары веером рассыпались по верхушкам пушистого березняка. Постой, постой, да ведь тут где-то взвоз — крутой спуск к реке... Матвей изо всех сил нажал на тормоза, но было уже поздно. Машина подпрыгнула и неудержимо полетела вниз...

Мотоцикл еще чихал, бешено крутились колеса, взбивая снежную пыль, а он лежал в придорожном сугробе, с головой зарывшись в снег, и на все лады клял себя. Так все шло хорошо. Волк был уже в руках — и надо же было, олуху, забыть про взвоз! Сотни, тысячи раз он ходил и ездил по этой дороге, а тут забыл...

В затылке болело — наверно, стукнуло ружьем, когда падал.

Выбравшись из сугроба. Матвей стряхнул с себя снег, пнул с горя заглохший мотоцикл и безнадежно, с тоской посмотрел на зимник, уходящий вверх по реке. На километр, на два просматривалась прямая, светлая, как слюда, дорога — и хоть бы одна тень пятнила ее. Где же волк? Не мог же он за каких-то пять минут проскочить два километра?

Матвей повернул голову направо: там от спуска на реку есть росстань — по ней иногда ездят за сеном на тот берег. Но все же то, что он увидел, походило на чудо. По снежной равнине, залитой лунным светом, шел волк, вернее не шел, а плыл, как темный челнок, толчками двигаясь к тому берегу. И он был всего в каких-нибудь ста метрах от него!

Матвей скинул из-за спины ружье, выстрелил. Туча снежной пыли взметнулась на реке...

Он выстрелил еще раз и побежал по дороге, к росстани. Ох, ноги, ноги! Вот когда окончательно сдали. Он брел по волчьим следам, глубоко, до пахов проваливаясь в рыхлый снег, — давно не ездили по росстани, — и ему казалось, что к ногам его привязаны колодки.

Ничего, ничего, утешал он себя, самое трудное позади, а на дорогу он как-нибудь вытащит зверя... И вдруг — он уже чуял запах псины — черная туша на снегу зашевелилась.

Ах, сволочь! Хитрить, притворяться? Плохо тебе попало?

Одеревеневший палец (наверно, отморозил) долго не мог зацепить спусковой крючок. Осечка. Он снова взвел курок — и снова щелчок. Вот уж не повезет так не повезет. Матвей отчаянно дергал затвор, тер суконной рукавицей — все напрасно.

Пятнадцать-двадцать шагов отделяло его от волка! На том месте, где только что отлеживался раненый зверь, снег был в черных пятнах. Это кровь. И, словно собака, подхлестнутая запахом свежей крови, Матвей двинулся вперед.

Он спотыкался, падал, зарывался лицом в снег, — но как упустить такую добычу! Зверь тяжело ранен — это ясно, и стоит только дотянуться прикладом до его башки, как все будет кончено.

На подъеме в берег — росстань тут начисто замело — он выронил ружье. Черт с ним и с ружьем — все равно не стреляет. Ему хватит и дубины, а возле стога всегда найдется жердь. На худой конец у него еще есть нож, большой охотничий нож. Главное сейчас — выбраться из этой проклятой

трясины. Он месил, загребал руками снег, цеплялся за кусты, подтягивался и долго, как лошадь, бился в рыхлом сугробе.

Наконец из-за пригорка показалась зеленоватая, выветренная луной шапка стога. Матвей, опираясь на руки, поднял голову, поискал глазами волка.

Так, все идет так, как он задумал. Волк подползал к стогу сена. Вот уж он в проломе низкой мохнатой изгороди, вот уж черная шкура зверя слилась с темным приземистым стогом.

А-а, сволочь, попался! Тут тебе и капут. Дальше ты не уйдешь... Кончилась роустань...

Темное крыло тени, отбрасываемое стогом, почти касалось кустов, в которых лежал Матвей. Наступала решающая минута. На мгновение в мыслях его всплыла теплая изба, Марья и Венька, измученные ожиданием... Ничего, потерпите еще немного. Дайте отцу собраться с силами.

Матвей жадно, по-собачьи хватил губами снега, встал.

Мысленно, шаря глазами по изгороди, он уже прикидывал, как выхватит сейчас жердь. а затем со всей яростью обрушит ее на волка. А пока что рука его судорожно сжимала рукоятку ножа — на тот случай, если зверь бросится на него из засады. И вдруг — или это померещилось ему — на светлой полосе за стогом он увидел темное пятно. Пятно ползло, двигалось к лесу...

Одним рывком Матвей достиг изгороди. Волка у стога не было... Все ясно: обхитрила подлая тварь, отлежалась и ушла...

Навалившись грудью на изгородь, — ноги, как подко-